

УДК 94(253.7).08

ББК 63.3(253.7)6

**Общественно-политическая активность
гражданского общества в национальных районах
Южной Сибири (1985–1991 гг.)**

Е.В. Тышта

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Абакан, Россия)

**Social and Political Activity of the Civil Society
in the National Regions of South Siberia (1985–1991)**

E.V. Tyshsta

Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

Анализируется процесс формирования общественно-политического движения в национальных регионах Южной Сибири. Методологической основой исследования являются методы транзита идей модернизации. Автор выделяет региональные особенности процесса формирования гражданского общества на основе кроссрегионального сравнительного анализа.

В 1988–1989 гг. на союзном уровне была создана нормативно-правовая база для деятельности общественных организаций, что стало транзитивной идеей для развития аналогичных процессов в различных регионах страны, в том числе и Южной Сибири. Несмотря на то что, модернизационный импульс (или идея), заданный центральным правительством, был общим для всех регионов, его воплощение на практике носило различный характер. В Туве общественно-политическое движение было неинституализированным, стихийным, национально ориентированным. В Хакасии развитие общественных организаций связано со становлением этносознания и национальной идентификации народа, где главную роль играла творческая интеллигенция. В Горном Алтае демократизация политического процесса стала следствием активности населения в процессе борьбы против строительства Катунской ГЭС.

Ключевые слова: модернизация, транзит, общественно-политическое движение, Хакасия, Горный Алтай, Тува.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-37

Модернизация — это весьма сложный процесс, особенно если он протекает в большом и поликультурном государстве. Поэтому для характеристики переходных состояний общественного разви-

This article analyzes the process of formation of socio-political movement in the national regions of South Siberia. The methodological basis of the research is method of modernization ideas transit. The author highlights regional characteristics in the formation of the civil society on the basis of cross-regional comparisons. In 1988–1989 in the Soviet Union, laws were adopted which were to regulate the activities of public organizations. It was the idea of transit for the development of similar processes in different regions of the country, including South Siberia. Despite the fact that modernization impulse (or idea) given by the central government, was equal to all regions, its implementation was of a different character. In Tuva, socio-political movement was not institutional, but had a spontaneous and national character. In Khakasia the development of civic organizations was associated with the development of the ethnic awareness and national identity of the people. The creative intelligentsia provided the maximum impact in this process. The democratization of the political process in the Altai Republic was the result of the activity of the population in the fight against the building of Katun hydroelectric.

Key words: modernization, transit, socio-political movement, Khakasia, Gorny Altai, Tuva.

тия регионов Южной Сибири наиболее актуально использование методов транзитологии. С позиции макросистемного анализа транзит — это совокупность четырех акций: транзитивная идея, транзи-

тивная практика, транзитивное действие и результат транзита.

Изменения в политической жизни советского общества начались несколько позже, чем в экономике. Начало можно отнести к 1987–1989 гг. В отличие от первого периода, когда инициатором модернизационных изменений было государство, реформирование политической сферы во второй период было обусловлено политической активностью населения. В 1988–1989 гг. на союзном уровне была создана нормативно-правовая база для деятельности общественных организаций, что стало транзитивной идеей для развития аналогичных процессов в различных регионах страны, в том числе и в Южной Сибири. Несмотря на то что, модернизационный импульс (или идея), заданная союзным правительством, был общим для всех регионов, воплощение его на практике имело различный характер.

Так, в Туве в конце 1980-х гг. общественно-политическое движение в большей степени носило националистический характер и было слабо институализировано. О причинах активизации гражданского общества в своих воспоминаниях пишет известный общественно-политический деятель Тувы Ч.-Д.Б. Ондар: «В новой Туве народ перестал чувствовать реальную власть. Коммунисты отходили от дел, а Советы, то есть новая власть, только что формировались с большими трудностями. К власти пришли в качестве депутатов представители различных общественных движений, у всех были разные установки. Кто-то был против только социализма, кто-то за демократию, порою не зная что такое демократия. На этой волне появились радикально настроенные люди, причем не из какого-то конкретного слоя населения, а из разных слоев. Всех их объединяло только то, что все хотели жить лучше, но не знали как это воплотить это в жизнь. Чтобы донести свою позицию, чтобы быть услышанными и привлечь сторонников, группы и их активисты не только агитировали, но и проводили митинги, пикеты, голодовки и другие акции...» [1, с. 47].

Повышение активности национальных организаций и движений во многом было связано с формированием новых политических систем в регионах. Если в Хакасии проблемы повышения политико-правового статуса решались по большей части в сфере юридической, а в Алтае носили скорее некий «экологический» характер, то в Туве большинство проблем, накопившиеся в предыдущие годы, вылилось на улицу. По выражению авторов «Политического Альманаха», «Республика, десятилетиями бывшая эталоном застоя и стабильности, в начале 1990-х гг. стала образцом неблагополучия в межнациональных отношениях» [2, с. 253].

Политическая жизнь Тувы в середине 1980-х гг. выглядела устоявшейся и закоренелой. Всплеск национального движения начался в 1990 г. В част-

ности, был образован Народный фронт во главе с К.А. Бичелдеем. Программа данной организации была непоследовательной, наряду с общими требованиями демократизации власти, оздоровления экономики, рационального природопользования, возрождения элементов традиционной культуры ставились задачи, которые носили чисто националистический характер. Возвращение территориальной целостности (по мнению активистов данного движения, с 1944 г. территория Тувы уменьшилась на 30 тысяч кв. км); превращение Тувы из автономной в союзную республику; культурное развитие коренного населения [3]. Сами создатели этого движения признавали «националистический характер» своей организации, негативное отношение к нему русскоязычного населения, и ставили вопрос об изгнании его из республики [3].

В чем же причины столь острых межнациональных отношений, приведших к массовому оттоку русскоязычного населения из республики? На наш взгляд, в данной ситуации произошло слияние ряда факторов. Это культурные традиции и уровень экономического развития. Тува намного позже, чем другие национальные республики, вошла в состав РСФСР (с 1944 г.), и на то время, не до конца осознавала себя ее составной частью. По меткой характеристике авторов «Политического Альманаха», «Тува — это последняя, не считая «трофейной» Калининградской области, из официально вошедших в состав России регионов. Тува расположена в центре Азии и обособлена от остальной страны, и в транспортном, и в культурном, и в политическом отношениях. Имеет наивысшую среди республик концентрацию титульного населения. Хозяйство имеет односторонний скотоводческий и добывающий характер, уровень социального развития низок» [2, с. 253]. Исторические традиции привели к существованию в Туве особого типа политико-социальной культуры, которая в конце XX в. характеризовалась наличием клановой родовой или местнической системы, в которую русскоязычное население не входило (этой теме посвящены труды доктора философских наук Ч.К. Ламажаа [4]). А как следствие, нетитульное население было в меньшей степени защищено от криминальных элементов. Второй фактор, способствовавший обострению межнациональных отношений, — это социальное расслоение населения. Осваивая территорию республики в 1950–1960-х гг., в Туву ехали либо специалисты, либо высококвалифицированные рабочие, которые зарабатывали больше, чем местное население, различный уровень жизни в свою очередь часто связывали не с профессионализмом человека, а с его национальностью. Следующая причина — это значительное расслоение в культуре, образовании и в доступе к материальным благам между жителями городов и сельской местности. Национальные выступления преобладали в сельской местности, а не в городах, где степень

культурной ассимиляции была значительно выше. Огромное значение в обострении межнациональных отношений играли следующие два фактора: маргинализация тувинского населения и отсутствие исторических корней у русскоязычных жителей республики. В годы советской власти многие тувинцы отошли от ценностей традиционной культуры, но приобрести новые не успели. И в тяжелое перестроечное время они оказались в маргинальном состоянии, не сумели найти себя в новых условиях. А русскоязычное население, не укоренившееся в Туве, имело родственные и дружеские связи за пределами республики. Данные субъективные, а по большей части объективные причины привели к появлению острых межнациональных столкновений в республике, которые в будущем способствовали приходу к власти наиболее националистически ориентированных лидеров Тувы.

Развитие национальных организаций в Туве всегда происходило намного активнее, чем в Хакасии и Горном Алтае. Деятельность Народного фронта Тывы, создание национальных партий НПСТ (Народная партия суверенной Тувы), «Хостуг Тыва» активизировали национальное движение. Интересен факт, что руководство республики данные выступления зачастую характеризовало не как демократические или национальные, а как преступные деяния. Руководство Тувы 26 июня 1990 г. созвало вторую внеочередную сессию Верховного Совета Тувинской АССР, посвященную межнациональным столкновениям. Но повестка дня ее именовалась «О неотложных мерах по усилению борьбы с преступностью» [3]. Обсуждение длилось более двух дней, выступало около 140 народных избранников и приглашенных лиц. Прокурор Тувинской АССР Н.А. Ондар выступал с докладом, в котором говорилось, что «национализма в регионе нет, а случившиеся выступления — это политическая провокация» [3]. Некоторые представители силовых структур, в частности МВД, всплеск преступности напрямую связывали «с перестройкой и гласностью» [1, с. 51]. Руководство региона пыталось решить проблему массового нарушения общественного порядка. Были отправлены запросы в различные инстанции, проводились парламентские слушания по данной проблеме. Но конкретные меры предприняты не были. Хотя, по мнению Ч.-Д.Б. Ондара, «решение данной сессии имело большое мобилизационное значение. То что мы смогли прожить без крупных массовых нарушений общественного порядка в дальнейшем — во многом заслуга народных депутатов Тувинской АССР» [1, с. 53].

Таким образом, повышение общественной-политической активности населения в годы перестройки в Тувинской АССР связано с активизацией национального движения, которое выражалось в форме массовых общественных беспорядков. Юридическое оформление и институализация национального пред-

ставительства тувинского народа началось несколько позже и связано с принятием Конституции Республики Тыва (РТ) 1993 г., которая предусматривала очередную реорганизацию системы государственной власти и управления в республике. В статье 6 Конституции РТ [5] предусматривалось формирование Великого хурала — съезда народа Республики Тыва. Великий хурал РТ — представительный орган всенародного волеизъявления народа. В его полномочия входило исключительное право принимать изменения и дополнения в Конституцию РТ на основании итогов всенародного референдума, а также согласованных предложений правительства и парламента региона.

Особенностью историографии общественного движения в Горном Алтае является высокая степень исследования данного вопроса по сравнению с другими регионами Южной Сибири. Это обусловлено работой алтайских ученых над различными грантовыми программами. Наибольшую исследовательскую активность по изучению деятельности гражданского общества во второй половине 1980-х гг. проявляет А.С. Казанцев. Он подробно изучил и проанализировал газетные публикации и воспоминания участников тех событий и пришел к следующим выводам: «Влияние политического характера, докатившееся сюда из Москвы, в ту пору не играло принципиальной роли в жизни местного населения области и не вело к созданию и развитию здесь политических партий и объединений» [6, с. 52]. Используя терминологию концепции транзита, можно сказать, что модернизационные изменения в центре страны характеризовались заторможенностью транзитивной практики в регионе. Это во многом было связано с его географической отдаленностью.

В начале перестройки в Горном Алтае не было альтернативы КПСС. Поэтому государственная политика находила полную поддержку среди населения. По мнению А.С. Казанцева, начальный всплеск политической активности среди населения Горного Алтая был зафиксирован в 1987–1988 гг. и был связан с реакцией экологов на планы Кабинета Министров СССР по строительству каскада ГЭС на р. Катунь. С точки зрения экономической рациональности это был весьма эффективный проект, благодаря которому в регионе должны были быть созданы тысячи рабочих мест, Горно-Алтайская автономная область могла бы стать энергонезависимой, т. е. в полном объеме перекрыла бы свои потребности в электроэнергии и могла бы стать поставщиком данного вида ресурсов за пределы своего региона. В своей статье А.С. Казанцев весьма объективно отмечает, что организаторами «движения зеленых» первоначально выступали не жители Горного Алтая, а «представители Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева и Свердловска, которым удалось „раскачать“ часть местной интеллигенции и привлечь ее к активным действиям против

постройки ГЭС» [6, с. 52]. Рассуждая об общественно-политическом движении в Горно-Алтайской автономной области, автор вводит понятие «экологизм».

Тема Катунской ГЭС как импульс для формирования гражданского общества, появления гласности, плюрализма является основной в воспоминаниях общественно-политического деятеля Г. Кудряшова [7]. Но главную роль в этом процессе, будучи журналистом, он отводил творческой интеллигенции. По его мнению, выразителями новых демократических воззрений в Горном Алтае были журналисты газеты «Звезда Алтая».

Демократическое движение, которое зародилось в Горном Алтае во второй половине 1980-х гг., являлось одной из форм транзита общероссийских тенденций. С этим согласен и А.Ю. Казанцев в своей работе «Общественно-политическое развитие Горного Алтая в конце XX века». «Многие идеологические постулаты общественных лидеров нашли свой отклик и поддержку в регионах. Филиалы общественных объединений появились и в Горном Алтае, но их развитие существенно отставало от центральных органов. Между тем в конце 1989 г. в Горно-Алтайске появились свои собственные демократические лидеры кружкового типа. Активными членами этих кружков стали представители государственных структур, главным образом социально-экономического толка» [8, с. 34].

Особенностями общественно-политического движения в Горном Алтае были: демократизация по всем фронтам, создание различных общественных организаций, отсутствие национальных организаций. Большая роль в этом процессе принадлежит С. Зубакину, который являлся признанным лидером демократического движения. В Горном Алтае транзитивная практика реализовывалась в полном объеме. При формировании общественных организаций и движений происходило «полное копирование программ центральных органов, при этом наблюдался отказ от национальных воззрений, отсутствовали какие-либо программы этнического возрождения» [8, с. 23]. Во многом данная особенность политической модернизации, становления гражданского общества стала фактором «близости» федерального центра и новых властей региона. Но следует отметить, что она же стала первопричиной противостояния с региональной этноэлитой. По замечанию А.Ю. Казанцева, при назначении полномочного представителя Президента РФ в Республике Алтай представители алтайской национальной элиты воспротивились, так как «действующий представитель Президента РВ В. Пиунов, не знающий алтайского языка и местных обычаев, не может правильно ориентироваться в ситуации, складывающейся в Республике Алтай» [8, с. 24].

Во второй половине 1980-х гг. процессы активизации общественно-политического движения ста-

ли наблюдаться и в Хакасии. В большинстве своем они были представлены в форме популяризации идей этнического возрождения хакасского народа. По воспоминаниям современников, на первом этапе (вторая половина 1980-х гг.) эти движения носили преимущественно социально-политический характер, во многом предопределив образование Республики Хакасия. Позже, в первой половине 1990-х гг., внимание национальной интеллигенции стало акцентироваться на возрождении традиционных и духовных ценностей. В газетных публикациях регулярными стали выступления ученых, старейшин с воспоминаниями о родовых и религиозных обрядах, свидетелями которых они были. В этот период проходили дискуссии о традиционных верованиях хакасов, которые интерпретировались по-разному — шаманизм (А.Н. Гладышевский) [9], манихейство (Л.Р. и И.Л. Кызласовы) [10], бурханизм (В.Я. Бутонаев) [11]. Но как бы ни называли эти традиционные верования, в любом случае интерес к ним стал одной из первопричин повышения этносознания народа, что привело к повышению уровня политической активности хакасов. Одним из наиболее острых вопросов этнического возрождения народа являлась проблема его духовной идентификации. В конце 1980-х гг. поиски религиозной идентичности народа были связаны с шаманизмом и православием. По данным социологического опроса, проведенного в 2007 г., православными себя назвали 58,2% респондентов-хакасов, и только 5,9% коренного населения республики отнесли себя к шаманистам (язычникам) [12, с. 11].

Мировоззренческий вакуум после делегитимизации идей коммунизма быстро заполнился различными идеологическими, социокультурными, в том числе и собственно религиозными, тяготениями. Но одной из самых важных причин повышения интереса к религии стало возрождение самосознания народа, что обусловило необходимость его политического оформления. Выход Хакасской автономной области из состава Красноярского края и образование Республики Хакасия стали ведущими факторами этноидентификации и этнодифференциации.

Во второй половине 1980-х гг. общественные организации, созданные национальной интеллигенцией, носили политический характер. Так, была образована Ассоциация хакасского народа «Тун», которая наряду с проблемой этнического возрождения хакасов ставила перед собой задачу способствовать выходу Хакасской автономной области из состава Красноярского края и преобразования ее в республику. По воспоминаниям участников первого Съезда хакасского народа, на его пленарном заседании ярко проявилась оппозиционность двух направлений в понимании задач, способов и механизмов этнического возрождения народа. Значительная часть старшего поколения, представители партийно-советской

номенклатуры отстаивали концепцию возрождения народа исключительно под контролем государства. Члены «Туна», поддержанные молодыми делегатами и представителями части более радикальной хакасской интеллигенции, утверждали, что этническое возрождение в современных условиях не может быть национальным, а значит, в первую очередь должно решать политические вопросы.

Таким образом, повышение общественно-политической активности населения национальных регионов Южной Сибири во второй половине 1980-х гг. было вызвано транзитом аналогичных процессов, происходивших на союзном уровне. Транзит происходил в двух формах: формирование нормативной базы и ор-

ганизация демократического движения (борьба против строительства Катунской ГЭС). В рассматриваемых нами регионах в годы перестройки отмечалось повышение активности гражданского общества, но его направления и источники были различны. В Туве общественно-политическое движение было неинституализировано и носило стихийный национальный характер. В Хакасии развитие общественных организаций связано со становлением этносознания и национальной идентификации народа. В этом процессе главную роль играла творческая интеллигенция. В Горном Алтае демократизация политического процесса стала следствием активности населения в процессе борьбы против строительства Катунской ГЭС.

Библиографический список

1. Ондар Ч.-Д.Б. Прежде чем войти в реку, посмотри на камни под водой... // Новые исследования Тувы. — 2012. — № 1.
2. Политический альманах России 1997 / под ред. М. Макфола и Н. Петрова. — М., 1998. — Т. 2.
3. Ведомственный архив Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва (ВАЗПВХРТ). Протокол 3.
4. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества: тувинский феномен. — М., 2013.
5. Конституция (Основной закон) Республики Тыва. Принята на внеочередной XXIV сессии седьмого созыва Верховного Совета Республики Тыва 21 октября 1993 г. // Конституции республик в составе Российской Федерации. Вып. II. — М., 1996.
6. Казанцев А.Ю. Этнополитические процессы в Республике Алтай в 1985–1992 гг. // Горный Алтай. Исторический сборник. — Вып. 11. — Бийск, 2007.
7. Кудряшов Г. Смутные девяностые в Республике Алтай. — Горно-Алтайск, 2009.
8. Казанцев А.Ю. Общественно-политическое развитие Горного Алтая в конце XX века // Горный Алтай. Исторический сборник. — Вып. 11. — Бийск, 2007.
9. Гладышевский А.Н. Духи земли и огня // Хакасия. — 1992. — 24 марта.
10. Кызласов Л.Р. Земля сибирская. — Абакан ; Москва, 1994.
11. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. — Абакан, 2003.
12. Анжиганова Л.В., Топоева М.В. Религиозная ситуация в Республике Хакасия // Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития / отв. ред. В.Г. Ибрагимов. — Абакан, 2007.